

П.А. Катышев, С.В. Оленев
Кемеровский государственный университет

**Влияние синтактики языка на языковую личность
как проблема риторической критики**

Аннотация: В статье в качестве одной из проблем риторической критики рассматривается влияние синтаксических особенностей языка на процессы дискурсивной деятельности языковой личности. На материале фрагмента статьи Аполлона Григорьева анализируются речемыслительные стратегии, отражающие системное своеобразие русского языка. В качестве важного критерия риторико-критической оценки конкретной речи предлагается учитывать ее соответствие «собственно языковому риторическому идеалу».

In article as one of problems of rhetorical criticism influence of syntactic features of language on processes of discursive activity of the language person is considered. On a material of a fragment of article of Apollo Grigoriev mental-speech strategies reflecting a system originality of Russian are analyzed. As the important criterion of a rhetorical-critical estimation of concrete speech it is offered to consider its conformity to «purely language rhetorical ideal».

Ключевые слова: риторическая критика, языковая личность, синтактика языка, неориторика, системные свойства языка, речемыслительные стратегии.

The rhetorical criticism, the language person, language syntactics, neorhetoric, system features of language, mental-speech strategy.

УДК: 808:81'23'27'36.

Контактная информация: Кемерово, ул. Красная, 6. КемГУ, факультет филологии и журналистики. Тел. (3842) 582745. E-mail: deerson@mail.ru.

Риторическая критика как составная часть современной риторики представляет собой методологическое течение, ориентированное на теоретическую разработку и систематизацию исследовательских процедур, направленных на анализ и оценку воздействующего потенциала и эффективности письменных и устных текстов [Медведева, 1987, с. 99; Катышев, 2006а, с. 37; Смолененкова, 2006]. Внимание этой отрасли риторики преимущественно направлено на так называемые риторические тексты, то есть произведения «риторической прозы, созданной для специальной аудитории со специальной целью, литературы пропаганды» [Медведева, 1987, с. 99]. Поскольку с известными оговорками риторическим можно считать любое произведение, нацеленное на изменение (формирование, расширение и т. п.) сознания адресата, в последнее время «риторическая критика становится наукой об отношении средств к замыслу, а ее задачей – определить, насколько эффективны были отобранные автором средства в данной ситуации для достижения его замысла» [Смолененкова, 2005, с. 7]. Однако, несмотря на очевидную интегративность, междисциплинарность неориторики, важным представляется и такой подход к риторической проблематике, при котором риторика рассматривается как преимущественно лингвистическая дисциплина, то есть наука о «разнообразных формах преимущественно языкового (курсив наш. – П.К., С.О.) воздействия на аудиторию, оказываемого с учетом особенностей последней и в целях получения желаемого

эффекта» [Авеличев, 1986, с. 10]. Поэтому и риторическая критика как коммуникативно ориентированное описание речемыслительной деятельности, касающееся экспликации способов и средств воплощения замысла, концентрируется «на взаимосвязи и взаимовлиянии экстралингвистических и лингвистических компонентов произведения слова и реализации целеполагания в речи» [Смолененкова, 2006].

На наш взгляд, важным аспектом (критерием) риторико-критической оценки конкретного речевого произведения может выступать собственно синтаксический аспект, предполагающий оценку степени соответствия анализируемого текста внутренней форме (в ее конкретных проявлениях), духу родного языка его автора. Поэтому теоретически и практически важным представляется решение вопроса о том, в какой степени и каким образом на риторизованную¹ речемыслительную деятельность оказывает влияние системное своеобразие того или иного языка (например, его синтаксические особенности, проявляющиеся в типичных способах сочетания и расположения языковых элементов – морфем, слов и т. д.). Отсюда, говоря о «влиянии языка на языковую личность», мы прежде всего имеем в виду языковую личность, порождающую риторический текст и испытывающую на себе влияние языка именно в процессе этого порождения.

Поставленная проблема отнюдь не нова для европейской философско-лингвистической традиции. Так, одним из первых проблему влияния языка на человека еще в 1746 г. поставил Э.Б. де Кондильяк, настаивавший на «абсолютной необходимости знаков» [Кондильяк, 1980, с. 293] для сложных «действий души», в частности для анализа и размышления, и объяснявший это тем, что «знаки, которым мы обязаны совершением самих этих действий, суть инструменты, которыми они пользуются, а связь идей – первая пружина, приводящая в движение все другие» [Там же, с. 300]. Средством установления связи идей (образов, представлений и понятий), в свою очередь, выступают действующие в языке правила аналогии. Активное, а не сугубо инструментальное участие слова и языка в человеческой когнитивно-коммуникативной деятельности также подчеркивали В. фон Гумбольдт и А.А. Потебня, писавшие о том, что язык – это «орган, образующий мысль» и способствующий «внутреннему завершению мысли и внешнему пониманию» [Гумбольдт, 2001, с. 75, 109], «средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее», «не отражение уже сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность» [Потебня, 1989, с. 156]. На это же указывали Э. Сепир и Б.Л. Уорф, американские этнолингвисты, длительное время занимавшиеся изучением «примитивных» языков американских индейцев и своеобразно развившие некоторые идеи В. фон Гумбольдта². Й.Л. Вайсгербер, лидер неогумбольдтианского направления в европейской лингвистике, в конце 20-х гг. XX в. главной задачей современного и будущего языкознания назвал изучение того, как происходит «вторжение родного языка в мышление и деяния его носителей» [Вайсгербер, 1993, с. 161]. По его словам, лингвисты должны «исследовать мышление и поведение конкретных людей и языковых сообществ на предмет того, насколько они обусловлены и определяются своеобразием родного языка» (цит. по: [Радченко, 1997, с. 187]); при этом поначалу следует «привлекать небольшие конкретные проблемы, которые позволят нам непосредственно доказать, что одно определенное обстоятельство прямо воздействует или воздействовало на определенные спо-

¹ То есть «осуществляемую через коммуникативные формы» [Катышев, 2005, с. 9]; на наш взгляд, целесообразно широкое понимание «коммуникативности» языковых единиц и языка в целом: не только как их способности обеспечивать живую интеракцию людей, но и вообще как «способности оформлять коммуникативный акт» [Там же, с. 142].

² Характерны в связи с этим типично гумбольдтианские суждения Э. Сепира о том, что «суть языка лежит... в классификации, в формальном моделировании, в связывании значений... <...> ...язык, как некая структура, по своей внутренней природе есть форма мысли» [Сепир, 1993, с. 41].

события восприятия, мыслительные результаты, поступки говорящих» [Радченко, 1997, с. 188].

Данная статья¹ вписывается в неогумбольдтианскую традицию и продолжает теоретическую линию доказательства формирующих возможностей языка. Однако важно отметить, что развиваемая нами версия «лингвистического детерминизма» значительно отличается от широко известной гипотезы Сепира – Уорфа в ее наиболее радикальной формулировке, согласно которой «мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [Сепир, 1993, с. 261]. Наш подход также лишь отчасти близок идеям Й.Л. Вайсгербера о родном языке, формирующем (в онтогенезе) понятийную систему (языковую картину мира) отдельного человека и языкового сообщества в целом. Оставляя в стороне вопросы о том, формирует ли язык особое «видение» объективного (существующего независимо от субъекта) мира или же накладывает свой отпечаток на идиоэтническую понятийную систему, мы сосредоточиваемся на характере стимулирующего влияния языка на речемыслительную деятельность языковой личности, создающей риторический текст; на том, к каким собственно языковым механизмам формирования и формулирования замысла обращается создатель текста в процессе своего размышления. Иными словами, говоря о стимулирующем влиянии языка на языковую личность, мы имеем в виду не влияние, наблюдаемое в смене разнокачественных состояний языковой способности индивида, а влияние, в той или иной мере ощутимое в каждом акте использования конкретного языка и предопределяемое его системным своеобразием.

В соответствии с приводимым В.В. Смолененковой каноническим порядком риторико-критической деятельности², можно обозначить этапы демонстрации влияния языка на языковую личность, опредмеченного в конкретном «риторическом тексте». Воссоздание историко-культурного контекста и обрисовка ситуации создания риторического произведения (описание) предваряет реконструкцию реализованных ритором речемыслительных стратегий (анализ), которые необходимо охарактеризовать с точки зрения их согласованности с системными свойствами родного языка ратора (истолкование), а также с точки зрения их целесообразности как более или менее удачные способы воплощения замысла (оценка). Следуя этому алгоритму, проанализируем фрагмент литературно-критической статьи Ап. Григорьева «После “Грозы” Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу» (1860), в котором критик наиболее подробно сформулировал свое понимание «народности».

Проблема народности имела в России XIX в. государственный масштаб³. Само это слово можно назвать одним из ключевых для языка данной эпохи. Это обусловлено социальными изменениями и философско-идеологической полеми-

¹ Точнее, видимо, жанр предлагаемой работы можно определить как своеобразное «научное риторико-критическое эссе», синтезирующее в себе черты научной статьи по риторической проблематике и собственно критическое эссе.

² Ср.: «Описание, анализ, истолкование (интерпретация) и оценка суть составляющие такого вида человеческой деятельности, как риторическая критика. Предполагается, что сначала критик описывает воспринятое им публичное выступление, затем анализирует взаимодействие его структурных элементов. После этого он должен дать свою версию того, почему оратор именно так, а не иначе построил свое публичное выступление. И в завершении всего критик оценивает, является ли избранный оратором способ построения и изложения речи наиболее подходящим для данных ему условий» [Смолененкова, 2005, с. 7–8].

³ Достаточно вспомнить концепцию «официальной народности», выраженную в формуле «самодержавие, православие и народность» С.С. Уварова, министра народного просвещения при Николае I.

кой, в которой помимо Ап. Григорьева участвовали В.Г. Белинский, А.С. Пушкин, Ю.Ф. Самарин, П.Е. Астафьев и многие другие. Ап. Григорьев – создатель «органической критики», философско-эстетическая концепция которой основана на идее о естественном (органическом) развитии всего подлинно живого, в том числе литературы и создающих ее народов. Понятие *народности литературы* для органической критики Ап. Григорьева является главной категорией, служащей априорной основой для истолкования и оценки многообразия литературных произведений. Но сложность ситуации в том, что сам этот термин представляется автору неоднозначным и требующим точного определения: «Я знаю очень хорошо, что слово “народность”, хоть оно, слава богу, мной и не придумано, загадочного явления еще не объясняет; во-первых, потому, что оно слишком широко, а во-вторых, и потому, что само еще требует объяснения» [Григорьев, 1990, с. 93]¹. Поэтому *авторская интенция*, реализуемая в анализируемом тексте, заключается в осуществлении теоретического анализа народности, который определил бы понятие «точнее, яснее и проще» (93).

Важной опорой предпринимаемого Ап. Григорьевым теоретического анализа становится собственно языковой образ слова *народность*. Дериват *народность* имеет сложную внутреннюю структуру и является полимотивированным, в традиционном смысле слова, то есть отсылает к двум возможным производящим и имеет две поверхностные словообразовательные структуры (*народ/ность* : *народн/ость*)². *Народность* является полимотивированной единицей и с точки зрения деятельности теории, постулирующей, что полимотивированность – это свойство знака, активизирующее полимотивацию, то есть «речемыслительную стратегию индивида, конкретизирующую звукобуквенный состав мотивирующей основы (корня) деривата комплексом созвучных (анафоничных) единиц» [Катышев, 2006б, с. 112–113]. На это указывает наличие в анализируемом тексте конкретизаторов, раскрывающих смысловой потенциал слова-темы с опорой на разные мотивирующие основы.

Следует отметить, что интенсифицируется не только морфо-реляционный слой языкового образа определяемого элемента. Значительное число сугубо супплетивных конкретизаторов свидетельствует о возможности целостного осознания опорного слова и, соответственно, о продуктивности его лексического образа. Именно первичная ориентация на лексический образ слова *народность* провоцирует обращение автора к представлениям, семантически ассоциированным с определяемым элементом, и, как следствие, к супплетивным средствам раскрытия образа, используемым автором в основном в начальной части анализируемого фрагмента и позволяющим рассмотреть народность в контексте общественной и литературной жизни своего времени и дать ее предварительное определение, создав пресуппозицию для содержательного наполнения понятия. Ср.³: *народность* конкретизируемое ← {*нечто, стремление к чему зародилось не с Островского, но в его деятельности определилось точнее, яснее и проще: нечто, что само еще требует объяснения: нечто, что отстаивается мыслью: нечто, вопросу о чем конца не предвидится: нечто, к вопросу о чем «Русский вестник» становится все милостивее: нечто, что имеет поборников: нечто, что может быть свойством литературы: нечто, первый род чего есть nationalité*⁴: *нечто, второй род чего*

¹ В дальнейшем ссылки на это издание даются путем указанием номера страницы в круглых скобках.

² Ср.: *народ/ность* = ‘нечто, относящееся к народу’ или *народн/ость* = ‘нечто, относящееся к чему-либо народному’.

³ Вследствие ограниченного объема статьи, здесь и далее в фигурных скобках приводятся лишь некоторые, наиболее важные вербализованные представления.

⁴ Национальность (фр.).

*есть popularité, littérature populaire*¹: нечто, первый род чего есть понятие безусловное, в самой природе лежащее} конкретизирующее. Данная система представлений способствует (I) установлению категориального статуса определяемого элемента (**народность** – сложное понятие), (II) обрисовке общественного мнения относительно исследуемого термина (**народность** – предмет идеологического спора), а также (III) сужению области приложения исходного термина (**народность** есть **народность** литературы). Показательно, что, осмысляя лексический образ слова-темы, автор использует отсылку к интернациональным эквивалентам определяемого слова, то есть обращает внимание на его корреспондентные связи, косвенно подтверждающие универсальный характер решаемой проблемы: «**народность литературы как национальность является понятием безусловным**» (96).

Дальнейшее углубление теоретической рефлексии и формулирование собственной позиции автора по вопросу о народности связано с осмыслением словообразовательно маркированного языкового образа, и поэтому интенсифицируется отсылочная часть деривата-темы, а наибольшую функциональность приобретают иконически ориентированные средства осмысления образа, созвучные по основе тематическому элементу. Анализ текста позволяет вычлениить систему деривативно скоординированных представлений, последовательно замещающих в тексте созданный языковой образ и способствующих его конкретизации: **народ/ность: народн/ость** конкретизируемое ← {нечто, что отражает сущность **народной** жизни: нечто, одним из внешних признаков чего является ношение **народной** одежды: нечто, одним из внешних признаков чего является ношение старой **народной** одежды: нечто, что может характеризовать **народ** как **народный**: нечто, что есть качество **народной** литературы} конкретизирующее. Как средства организации дискурса, формулирующего слово-понятие **народность**, деривативно соотносимые представления включены в процесс речевой развертки высказывания, в ходе которой они (А) способствуют уточнению центрального элемента или же (Б) сами подвергаются конкретизации.

(А) Опора на деривативно ориентированные определители помогает исключить те трактовки слова-темы, которые не соответствуют авторской концепции, и выделить тот аспект народности, который является, по мнению Ап. Григорьева, наиболее важным. Так, автор указывает, что: (а) понятие **народности** содержательно концентрирует в себе «сущность **народной** жизни» (94); (б) внешним признаком, далеко не исчерпывающим сущность **народности** как способа мировосприятия, является «ношение **народной** одежды» (94); (в) немецкая ультраромантическая традиция трактует понятие **народность** как «**народность** своего **народа**» (94); (г) наиболее важным является прояснение понятия **народности** в связи с литературой, то есть определение составного термина «**народная литература**» (94–95).

(Б) Большое внимание автор уделяет дальнейшему содержательному уточнению конкретизаторов **народ** и **народная литература**. Необходимость осмысления понятия **народ** вызвана тем, что «как под именем **народа** разумеется **народ** в обширном смысле и **народ** в тесном смысле, так равномерно и под **народностью** литературы» (95). Исходя из этого, производящее слово-понятие **народ**, оказываясь в позиции уточняемого, последовательно раскрывается посредством набора перифраз: **народ** конкретизируемое ← {нечто, что может быть определено в обширном или в тесном смысле: нечто, что в обширном смысле понимается как целая **народная** личность, собирательное лицо, слагающееся из черт всех слоев **народа**: нечто, что в качестве своих передовых слоев имеет верхи самосуцного **народного** развития, которые сама из себя дала жизнь **народа**: нечто, что в тесном смысле понимается как та часть **народа**, находящаяся в неразвитом состоянии} конкретизирующее. В соответствии с широкой и узкой трактовками понятия **народ**

¹ Народность, народная литература (фр.).

автор противопоставляет две трактовки *народной литературы*. Понятие *народной литературы* в «обширном» смысле складывается из следующих деривативно ориентированных представлений: *народная литература* конкретизируемое ← {*нечто, что в своем мирозерцании отражает взгляд на жизнь, свойственный всему народу: нечто, что в своих типах отражает сложившиеся цельно и полно типы или стороны народной личности: нечто, что в своих формах отражает красоту по народному пониманию: нечто, что в своем языке отражает весь общий язык народа*} конкретизирующее. Понятие *народной литературы* в «тесном» смысле реализуется следующим образом: *народная литература* конкретизируемое ← {*нечто, что связано с историческим фактом разрозненности в народе: нечто, что предполагает, что народное развитие шло раздвоенным путем: нечто, что является вследствие пресыщения цивилизацией: нечто, что есть выражение насущной потребности сблизить два разрозненных развития в народном организме: нечто, что связано лишь с воспроизведением народного быта*} конкретизирующее.

Определенный уровень сформированности понятий *народ*, *народность* и *народная литература* позволяют автору достичь главного – рассмотреть указанные категории в контексте соотносимых деонтических топосов «должное – недолжное», а также определить понятие *народный писатель*. Так, в качестве полюса должного бытия выступает положение дел, при котором литература *народна* в широком смысле слова, поскольку «*народность литературы как национальность является понятием безусловным, в самой природе лежащим*» (96), и поэтому «*литература всякая, а следственно, и наша, чтобы быть чем-нибудь, чтобы не толочь воду, не толкаться попусту, должна быть народна, то есть национальна*» (96). Исходя из этого, подлинно народным писателем признается не «*писатель из народного быта, специально посвятивший себя воспроизведению этого быта в литературе*» (97), а такой писатель, по отношению к которому термин *народность* и эпитет *народный* употребляются «*в смысле слов: национальность, национальный*» (96).

Разработанная Ап. Григорьевым оригинальная концепция народности¹ имеет не только теоретическую ценность, но выступает действенным орудием органической критики, служит основой суждений о народности того или иного писателя и его произведений. Достаточно вспомнить хрестоматийные суждения о творчестве А.С. Пушкина и о его значении для русской литературы: «*А Пушкин – наше все <...> Пушкин – пока единственный полный очерк нашей народной личности и т. д.*». Любой писатель и его произведения, удостоенные внимания критики Ап. Григорьева, всегда поверяются «критерием народности», оцениваются как народные или псевдонародные.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что речемыслительные стратегии создания и коммуникативно ориентированного раскрытия замысла в значительной мере согласованы с объективными собственно языковыми условиями, а именно с флективно-фузионной организацией русского языка:

1. То, что в процессе дискурсивной деятельности Ап. Григорьев устанавливает и закрепляет в тексте мотивационные связи между определяемым элементом и созвучными единицами, характеризующимися по отношению к нему меньшей формальной сложностью, «подсказывается» высокой степенью грамматичности и флективной организацией русского языка. Дериватема (словообразовательная форма) познаваемого слово-понятия *народность* индуцирует систему иконично ориентированных представлений, уточняющих его языковой образ и создающих понятие, и служит (безусловно, наряду с другими типами языковых образов) основой индивидуальной речемыслительной манеры Ап. Григорьева. Элементы, близкие в формально-смысловом отношении слову *народность* способствуют

¹ О ее новизне пишет Л.Р. Авдеева: «У Григорьева было свое, не совпадавшее с определениями Белинского, Чернышевского и Добролюбова, понимание народности литературы и народа как исторически сложившейся общности людей» [Авдеева, 1992, с. 48].

реализации ключевых в содержательном плане представлений, служащих опорой дискурсообразования, о чем свидетельствует заметная интенсификация элемента *народ*₁₆¹ на фоне других семантически значимых конкретизаторов (*масса*₂, *общество*₃).

2. «Многослойность» языкового знака, типичная для языков с последовательной грамматической категоризацией, в дискурсе Ап. Григорьева проявляется в том, что параллельному осмыслению подвергаются лексический, морфо-реляционный и «иноязычный» языковые образы слова *народность*.

3. Фузионный характер внутрисловной структуры русского слова, в котором тенденция к целостности превалирует над тенденцией к морфемной членности² проявляется в том, что осмыслению темообразующего элемента и коммуникативному оформлению замысла способствуют не только конкретизаторы, синхронно связанные с дериватом-темой, но и такие анафонические определители, основы которых этимологически коррелятивны ему. Ср.: «...первого *рода народность* есть то <...> второго *рода* – то, что <...> В первом смысле *народность литературы* как национальность является понятием безусловным, в самой *природе лежащим*» (95–96). Возможность такого расширения ассоциативного контекста предопределена не только полиморфемностью основы деривата *народность* (народ-н-ост'-О), но и его принадлежностью к распавшемуся древнему общеславянскому макрогнезду с корнем *god-.

4. Характер дискурсивной деятельности Ап. Григорьева согласуется и с такой важной особенностью внутренней формы русского языка, как его стремление представить любую информацию в виде развивающегося события [Мельников, 1998]. В нашем случае основной «участник события» – слово-понятие *народность*, становящееся в зависимости от синтагматического контекста субъектом действия, его объектом или орудием и т. д.³ Большая разветвленность этой «грамматически мотивированной топики», намечающей пути осмысления исходного понятия, связана еще и с тем, что «имена женского рода ассоциируются со способностью быть и объектом чьей-либо инициативы, и инициатором по отношению к иной группе участников, и проявлять свою индивидуальность лишь как нечто массовидное» [Там же].

Переходя к оценке реализованных автором речемыслительных стратегий, необходимо сказать несколько слов об относительности влияния, оказываемого языком на языковую личность. Ни в коем случае не стоит считать, что язык всецело подчиняет себе языковую личность, совершенно не оставляя ей свободы выбора. Напротив, формирующее воздействие языка лишь задает возможное направление мысли, предлагает более или менее приемлемые способы ее оформления и выражения. Притом, что «родной язык оказывает решающее воздействие даже на детали понимания и мышления конкретного человека», «каждый человек располагает известной возможностью для маневра в процессе усвоения и применения его родного языка»; «он вполне способен сохранять своеобразие своей личности в этом отношении» [Вайсгербер, 1993, с. 135]. Поэтому оценка того, в какой степени конкретный текст воспроизводит базовые, сущностные свойства родного языка ратора, должна учитывать степень самостоятельности, самобытности языковой личности в дискурсивном воплощении духа языка, его внутренней формы. Так, проанализированный текст, несомненно, свидетельствует о самобытном, личностном использовании возможностей, предоставляемых русским языком для осмысления языкового знака и создания понятия: оставаясь в пределах типичных

¹ Подстрочный индекс соответствует частоте встречаемости в тексте.

² Значительно подробнее об этом см. в: [Реформатский, 1965; 1975].

³ Эта закономерность распространяется на основные анафоны слова-темы (*народ* и *народный*) и на супплетивные элементы (*самобытность*, *самосущность*, *национальность*, *масса*, *общество*, *почва* и т. п.), связанные с ним лишь смысловой общностью.

для русского языкового сознания речемыслительных стратегий, Ап. Григорьев акцентирует проявление полимотивированности познаваемого языкового знака, создавая понятие о народности в достаточно индивидуальной манере.

Оценивая целесообразность реализованных автором речемыслительных стратегий, следует указать на то, что проанализированный фрагмент статьи Ап. Григорьева, несомненно, подтверждает способность языка (в частности, русского) быть опорой создающего понятие продуктивного мышления и адекватно воплощать сложный авторский замысел в коммуникативном акте. Во многом именно талантливое использование автором собственно языковых механизмов (синтаксических возможностей, связанных с флективно-фузионной организацией русского языка) способствует эффективному достижению поставленной цели – формированию и формулированию понятия о народности. Стоит также отметить, что целесообразность дискурсивной манеры, насыщающей текст элементами, созвучными слову-теме, заключается и в том, что способы воплощения замысла, основанные на создании различных формально-смысловых языковых «аналогизмов» предмета речи, обладают более сильными воздействующими, в т. ч. убеждающими возможностями. Важно и то, что истина (или идея, претендующая на то, чтобы быть таковой), достигнутая в соответствии с логикой языковых форм, при помощи средств родного языка, по-видимому, имеет больше шансов быть незатруднительно и адекватно понятой. Так, по мнению Й.Л. Вайсгербер, «пожалуй, все члены языкового сообщества склонны рассматривать свой образ мышления¹ как естественный, объективно-истинный» [Там же, с. 72]. Другими словами, можно с большой долей уверенности предполагать, что язык, будучи важной внутренней детерминантой мышления, общей для адресанта и адресата риторического текста, влияет не только на процесс формирования и формулирования мысли, но и на процесс ее восприятия и понимания.

Итак, раскрывая формирующее, стимулирующее влияние языка на дискурсивную деятельность языковой личности, мы по сути дела решаем основную задачу риторической критики – осуществляем, согласно У. Реддингу, «анализ и оценку тех путей, которыми ритор сообщает свои идеи слушателям» (цит. по: [Медведева, 1987, с. 104]), шире – адресатам. При этом заявленный в заглавии нашей статьи аспект риторической критики ни в коем случае не должен претендовать на первое место среди прочих аспектов анализа риторического текста. Наоборот, он должен дополнять результаты анализа этоса, логоса и пафоса речи данными о том, насколько стратегии речемыслительной деятельности, послужившие ментально-языковой основой анализируемого текста, соответствуют своеобразному «языковому риторическому идеалу», складывающемуся из важнейших сущностных свойств родного языка ратора.

Литература

- Авдеева Л.Р. Русские мыслители: Ап. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов. М., 1992.
- Авеличев А.К. Возвращение риторики // Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкенберг Ж.-М., Менге Ф., Пир Ф., Тринон А. Общая риторика. М., 1986. С. 5–22.
- Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993.
- Григорьев А.А. После «Грозы» Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу // Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике. Л., 1990.
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 2001.
- Катышев П.А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы. Томск, 2005.
- Катышев П.А. Дисциплинарная схема современной риторики // Араева Л.А.,

¹ То есть образ мышления, полученный ими в процессе усвоения родного языка.

- Катышев П.А., Малахова Н.Е., Князькова Т.В., Оленёв С.В., Паули Ю.С., Стрыгина О.В. Риторика / Под ред. П.А. Катышева. Кемерово, 2006а. С. 33–37.
- Катышев П.А. Субстантно-семиологическая детерминанта полимотивации деривата // Антропотекст – 1: сб. статей. Кемерово; Томск, 2006б. С. 112–122.
- Кондильяк Э.Б. де. Сочинения: В 3 т. М., 1980. Т. 1.
- Медведева С.Ю. Риторика и риторическая критика в США // Неориторика: Генезис, проблемы, перспективы. М., 1987. С. 91–113.
- Мельников Г.П. Внутренняя форма русского языка – ключ к пониманию его особенностей на всех уровнях // Беседы в обществе любителей российской словесности. ОЛРС, 1998. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/melnikov/melnikov-vf.htm> (дата обращения – 23.06.2010 г.).
- Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989.
- Радченко О.А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства: В 2 т. М., 1997. Т. 1.
- Реформатский А.А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л., 1965. С. 64–92.
- Реформатский А.А. О членности слова // Развитие современного русского словообразования. 1972: Словообразование. Членность слова. М., 1975. С. 7–13.
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Смоленкова В.В. Риторическая критика как филологический анализ публичной аргументации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Смоленкова В.В. Понятие риторической критики (опubl. в сети Интернет 22.10.2006 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_49.html (дата обращения – 23.06.2010 г.).